

ИДЕТ СМОТР
ТЕАТРАЛЬНОЙ
МОЛОДЕЖИ
СТОЛИЦЫ

КАК БЫ НИ БЫЛ ТАЛАНТЛИВ АКТЕР...

Бытует сейчас среди некоторой части актерской молодежи такое устало-скептическое отношение к своей профессии. Почему-то порой зачисляются в анахронизмы такие понятия, как «творческий огонь», «вдохновение», «самоотверженное служение искусству». Дескать, что там за самоотверженное служение — чудачество все это. Служба есть служба. Отсидел на репетициях положенное время — и пошел заниматься своими делами. А опоздал на репетицию — тоже не беда, даром что «старомодные старики» приходят точно, секунда в секунду.

Пусть меня поймут правильно, я вовсе не хочу сказать, что такие настроения широко распространены. Но они есть. Наши театральные вузы дают прекрасные профессиональные навыки, но не всегда уделяют достаточное внимание воспитанию в молодом актере чувства ответственности за выбранную профессию. Думаю, что именно сейчас, в дни смотра театральной молодежи, об этом не вредно сказать. Может показаться, что затронутая мною проблема не имеет прямого отношения к творческому процессу, к тому, как будет играть молодой актер. На мой взгляд — имеет отношение. Самое прямое, самое непосредственное.

Более того. В сложных спорах о путях театральной молодежи, о принципах ее обучения, о том, сколько лет учить, чему и в каких условиях, о том, что лучше — студия или театральный вуз, — во всех этих спорах для меня центральной проблемой остается проблема воспитания у молодого актера чувства ответственности за выбор трудной и ко многому обязывающей профессии, чувства ответственности за будущее советского театра.

В связи с этим вспоминает-

ся один давний, правда, случай, который навсегда остался для меня ярчайшим примером воспитания у молодого актера чувства ответственности.

В 1924 году прославленная труппа МХАТа во главе со Станиславским возвратилась в Москву после двухгодичной триумфальной поездки в страны Европы и Америки.

Среди встречающих были артисты II студии МХАТа, давшей согласие влиться в его труппу, старшие курсы школы Художественного театра. Владимир Иванович Немирович-Данченко, оставшийся все эти годы в Москве, самоотверженно и неустанно воспитывавший молодежь, обратился с приветствием к корифеям театра, а потом сказал, указывая на нас: «А теперь разрешите представить вам наше молодое поколение. Это — будущий МХАТ».

Когда он произнес эти слова, нас всех охватило огромное, небывалое волнение. Все вдруг совершенно ясно, определенно почувствовали, как доверяет нам Владимир Иванович и чего он от нас ждет. Будущий МХАТ! Это огромная честь, но спросить с нас полной мерой! Великий художник театра понимал, что, только воспитывая в каждом члене коллектива ответственность за будущее театра, можно уверенно жить и творить.

Все время помнить об этом обязаны и руководители театральных вузов, студий, театров, куда приходит работать молодежь. Молодой актер должен сразу почувствовать, что он полноправный член коллектива, что ему многое дано, но с него многое спросится.

А это обязывает его предельно серьезно относиться ко всякой без исключения работе, которая ему поручается, будь то главная роль, маленький эпизод или массовка. Кстати, часто именно

эпизод давал толчок развитию самых крупных актерских индивидуальностей. Хмелева, например, я помню не только по ролям, ставшим достоянием истории театра. Двадцатидвухлетним актером он играл Марю в «Пугачевщине», трактирного слугу в «Ревизоре» и играл так, что роли эти становились совершенно необходимой частью образной системы спектакля.

Молодой тогда артист Дорохин в «Бронепоезде» имел всего одну фразу. Когда через строй безмолвных партизан проносили тело убитого Пеклеванова, в полной тишине вдруг раздавались слова: «А где же флаг?.. С флагом бы надо...». И эти слова волновали зрительный зал.

Если человек идет в искусство ради того, чтобы служить ему честно и бескорыстно, нести людям самые передовые, возвышенные идеи своего времени, он должен быть заранее готов к тому, что, может быть, придется поступиться многим. Скажем, во имя коллективного успеха отказаться от роли, о которой мечтал, и удовлетвориться другой — незаметной и не благодарной. Но, между прочим, именно при таком, только при таком отношении к делу и приходит в конце концов настоящий успех — триумф каждого участника великолепного, совершенного спектакля как часть общего, несравненно большего триумфа.

Но случается, что главная цель молодого актера — показать в театре себя, свои возможности, свое дарование. Он может хорошо, даже блестяще сыграть несколько ролей. Но никогда не станет большим художником. Предположим на секунду, что из таких вот актеров создали театр. Пусть каждый из них будет звездой первой величины, пусть способности у каждого из них выдающиеся, они не смогут сделать ни од-

ного полноценного спектакля. Театр развалится, не возникнув.

Победа приходит тогда, когда актер думает не о выявлении своих личных качеств, а об успехе спектакля в целом. Коллективизм, товарищеская спайка — непременно следствие чувства ответственности за театр, за его будущее. Помню, совсем молодыми мы играли маленькие эпизоды в третьем акте «Вишневого сада», а в первом акте с помощью разного рода приспособлений создавали шумовые эффекты, которые должны были помочь передать атмосферу пробуждающегося вишневого сада. И Станиславский, великий Станиславский, игравший Гаева, в те минуты, когда герой его не должен был присутствовать на сцене, приходил и помогал нам в такой, казалось бы, черновой, неприметной работе. Когда однажды его спросили, зачем он это делает, Станиславский ответил: «Шумы за сценой имеют очень большое значение в создании настроения чеховской пьесы, и создавать это настроение не менее важно, чем хорошо сыграть главную роль». Вот человек, подумалось нам тогда, у которого чувство коллективизма обострено до предела. А не будь оно так обострено, кто знает, смогли бы он и Немирович-Данченко создать Художественный театр.

...Забота не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне театра, чувство личной ответственности за его судьбу, чувство коллективизма... Как бы ни был талантлив молодой актер, он сможет сказать свое, новое слово в искусстве только в том случае, если эти качества будут присущи ему в самой высокой степени.

И. РАЕВСКИЙ,
народный артист БССР,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.

«Московский комсомолец»
1961, 6 июня